

шими из научного социализма. Дифференцированный анализ различных групп источников помогает более точно и правильно установить этапы истории ленинской разработки аграрной программы РСДРП.

Р. Ш. ГАНЕЛИН

ПЕТИЦИИ ПО УКАЗУ 18 ФЕВРАЛЯ 1905 г.*

Из петиций, поступивших со всех концов России в Совет министров в течение полугода действия указа 18 февраля 1905 г.,¹ в исторической литературе рассматривалась лишь небольшая часть крестьянских петиций, занимавших среди остальных, как будет показано ниже, весьма значительное место. Они изучались в числе крестьянских «приговоров» (за весь период революции 1905—1907 гг.), которым посвящены многочисленные исследования дореволюционных и советских авторов.²

Между тем крестьянские петиции по указу 18 февраля следует рассмотреть и отдельно от позднейших крестьянских документов в связи с петициями, исходившими от сословных некрестьянских, земских, городских, общественных и других организаций, а также частных лиц. Это возможно, однако, лишь при изучении всех поступивших по указу петиций.³

Третья часть их, включенная в изложение чиновников канцелярии Совета министров в составленный канцелярией и предназначенный для высших сановников и некоторых других участников обсуждения предстоявших преобразований свод, рассмотрена в воспоминаниях деятельного участника этих преобразований Н. С. Таганцева. Нам приходилось уже упоминать об отмеченной им необходимости установить, как переданы тексты петиций в свод (самими петициями он во время работы над воспоминаниями не располагал, но подозревал, что они, особенно крестьянские, подвергались «при включении в свод известного рода кастрированию»). Теперь добавим, что обстоятельно ознакомив читателя с содержанием свода, Таганцев сделал ряд существенных заключений. Прежде всего следует упомянуть его заключение о том, что среди полученных петиций едва ли было много «подстроженных» — «те направлялись по иному руслу».

* Окончание статьи см. в следующем выпуске «Вспомогательных исторических дисциплин».

¹ О прохождении указа, его применении властями и судьбе см.: Ганелин Р. Ш. 1) Царизм после начала первой русской революции: (акты 18 февраля 1905 г.) // Вопросы истории России XIX—начала XX в. Л., 1983. С. 96—111; 2) Указ 18 февраля 1905 г. и правительственная политика // ВПД. Л., 1983. XV. С. 170—185.

² Обзор литературы вопроса см. в содержательной работе О. Г. Буховца «Приговорное движение крестьян в 1905—1907 гг.» (М., 1984. — Диссертация, защищенная в МГУ).

³ Они сосредоточены ныне в 18 делах фонда Совета министров (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 7—25).

Сравнивая петиции 1905 г. с наказами членам Екатеринбургской комиссии 1767 г., Таганцев считал, что петиции дают «любопытный материал» для изучения эволюции общественно-политической мысли России «в бурный период ее новейшей жизни».⁴

Весьма знаменательна также его констатация того обстоятельства, что на Петергофских совещаниях петиции не только не были приняты во внимание, но и никакого «указания на поступившие заявления сделано не было. . . что, конечно, не умаляет их интереса», причем не вспомнили о них и сторонники преобразований, для которых «влияние служилых привычек, одуряющее влияние придворной атмосферы» было «очень уж сильно».⁵ Высказав ряд осторожных соображений относительно, как мы бы теперь выразились, репрезентативности петиций, Таганцев писал: «Все-таки так или, пожалуй, приблизительно так говорили на некотором числе широко раскинутых на безбрежной тогда Руси сходах, собраниях, заседаниях. . .».⁶

В общих чертах характеристика петиционной кампании дана нами в коллективном труде «Кризис самодержавия в России».⁷ Кампания эта пришлась на трудные для царизма весенние и летние месяцы 1905 г., в течение которых на путях к закону о Булыгинской думе он пытался придать будущему представительству такой характер, чтобы оно не затронуло или почти не затронуло самодержавной природы строя. Отражавшийся в петиционной кампании, тесно связанный с ростом борьбы пролетариата процессе полевления мелкобуржуазной массы, непролетарских слоев населения делал петиционный поток опасным для режима в его собственных глазах. Причины этого состояли, с одной стороны, в широкой распространности все более радикальных требований к правительству, выходивших за либеральные рамки и принимавших в сущности общедемократический характер, а с другой — в легальном характере их предъявления.

Собственно, уже с осени 1904 г., когда право петиций еще не было установлено, письменные обращения к правительству, сопровождавшие пресловутую «банкетную кампанию», стали приобретать черты фактического права. Ноябрьский земский съезд 1904 г. подтолкнул земские и другие общественные организации к составлению петиций как самим фактом принятия своих решений, так и их содержанием, положенным в основу многих петиций. Решения ноябрьского съезда 1904 г. предусматривали требования гражданских свобод, уравнения крестьян в правах с другими сословиями, освобождения сельского самоуправления от административной опеки, ограждения крестьянства правильной формой суда и, наконец, участия в законодательстве выборного народного представительства (о характере его прав земцы не сумели договориться). Требования эти были вполне приемлемы

⁴ Таганцев Н. С. Пережитое. Пг., 1919. Вып. 2. С. 82.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ Там же. С. 98. — Таганцев назвал посвященный петициям раздел воспоминаний «Голос России в 1905 году о преобразовании государственного строя».

⁷ Кризис самодержавия в России в конце XIX—начале XX в. Л., 1984. С. 202—204.

с точки зрения такого представителя либеральной бюрократии, как министр внутренних дел кн. П. Д. Святополк-Мирский, но царь оставался непоколебим.

Забегая вперед, отметим, что решения последующих земских и городских съездов также оказывали свое влияние на содержание петиций (источниками такого влияния были и получившие широкую известность записки профессоров, учителей, губернских предводителей дворянства и др.), причем и после актов 18 февраля радикализация требований в верхах земской оппозиции по-прежнему встречала сопротивление влиятельного меньшинства. Опубликованный в апреле проект этого меньшинства рассматривал представительство как совместимое с самодержавием и предлагал созвать его в форме замены выборным личного состава Государственного совета с превращением его в законосовещательный Государственный земский совет с правом законодательной инициативы и запросов министрам, ответственным, однако, перед царем. Тем не менее в двадцатых числах апреля на совещании земцев в Москве были приняты требования всеобщего, равного, прямого и тайного голосования для избрания одной палаты и организации другой из представителей реорганизованных органов местного самоуправления. Но даже после Цусимы пресловутый адрес царю майского съезда представителей земств, городов и дворянских обществ был составлен таким образом, что всеобщее, равное, прямое и тайное голосование в нем не упоминалось. В нем говорилось, что выборным представителям предстоит «в согласии с царем решить вопрос о мире и установить «обновленный государственный строй». Однако в адресе отсутствовало выдвинутое созданным в те дни «Союзом союзов» — объединением лиц интеллигентных профессий — требование созыва учредительного собрания, которое покончило бы с войной и господствовавшим политическим режимом.

Несмотря на то что указ 12 ноября не установил права подачи петиций, преследование петиционеров на практике осуществлять было трудно. Не возбуждено было юридическое преследование и против авторов петиции 9 января, когда она стала известна министрам юстиции и внутренних дел и вызвала у них ужас и негодование своими общеполитическими требованиями,⁹ которые, кстати сказать, также нашли отражение в многочисленных петициях марта—августа 1905 г.

Некоторые из петиций, принятых на местах и поступивших в Совет министров, когда указа 18 февраля еще не существовало, были включены его канцелярией в число полученных по указу. Указ как бы представлялся неизбежным. Так, когда 4 февраля Уфимское губернское земское собрание приняло решение о необходимости реформы народного образования и возник вопрос, как с этим решением поступить, один из гласных заявил: «Необходимо пред-

ставить даже в том случае, если предположить, что до поры до времени будут лежать вместе с другими подобными ходатайствами и пропыливаться в петербургских канцеляриях».⁹ Бакинское биржевое общество 17 февраля приняло решение, связывавшее бакинскую резню 6—10 февраля с общими условиями политической жизни. В нем, как и в других записках из промышленно-торговых кругов в последовавшие за «Кровавым воскресеньем» дни, содержались заявления о том, что промышленность и торговля не могут существовать без государственных преобразований, и требования гарантии гражданских прав и участия представителей народа в законодательстве и контроле над исполнительными властями.¹⁰

После указа 18 февраля петиции, несмотря на все усилия несколько растерявшихся властей, стали поступать непрерывным потоком. Правда, как писали крестьяне с. Бровнич Новозыбковского уезда Черниговской губернии в своем обращении, названном ими «всеподданнейшим докладом», они и после указа боялись из-за репрессий высказываться по политическим вопросам, но затем все же заговорили о них под влиянием событий.¹¹ О страхе крестьян перед наказаниями за составление петиций, об отсутствии в деревне сведений об изданном указе сообщал ярославский помещик Н. С. Пастухов, отмечавший, что земские петиции не отражают интересов крестьян, представительство которых в земстве «положительно отсутствует».¹² Кстати сказать, обращение Пастухова было инспирировано С. Ю. Витте, по каким-то причинам, очевидно, заинтересованным в расширении петиционной кампании. Несмотря на подтверждаемую и другими сведениями малую осведомленность крестьян об указе, петиционный поток набирал силу. Верноподданническая фразеология в первых словах петиций, которой часто сопровождалась ссылка не только на указ 18 февраля 1905 г., но и на указ 12 декабря 1905 г. и которой дело по большей части и ограничивалось, не меняла того, что ходатайства в сущности содержали перечни предъявляемых правительству требований.

Еще до образования Особого в Совете министров присутствия для рассмотрения петиций управляющий делами Комитета и Совета министров Э. Ю. Польде, составляя первую их ведомость, с которой царь ознакомился 17 марта, под первыми тремя номерами включил такие документы, которые не только не носили вызывающего для царя характера, но и должны были прийтись ему по душе. Их авторы — отдельные лица — предлагали различные, один другого радикальнее, способы свести обещанные в рескрипте Булыгину преобразования к такому минимуму, чтобы они удовлетворили лишь наиболее «благонамеренных» и способствовали сплочению контрреволюционных сил. Автор первого из этих документов действительный статский советник Головин имел в виду, «оставляя неприкосновенной самодержавную власть, содействовать пробуждению консервативных

⁹ См.: Ганелин Р. III. 1) Капун «Кровавого воскресенья» // Вопросы истории. 1980. № 1. С. 32—43; 2) К истории текста петиции 9 января 1905 г. // ВИД. Л., 1983. XIV. С. 229—249.

⁹ ЦГА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 14, л. 21—32.

¹⁰ Там же, д. 7, л. 25—28.

¹¹ Там же, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 311—312.

¹² Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 8, л. 296 и след.

сил страны от теперешнего пассивного состояния и вызвать в их среде деятельный отпор крамоле». ¹³ Он выступал не только против всеобщего избирательного права, но и против самостоятельного существования представительства, предлагая ограничиться введением избранных по сословиям представителей в состав Соединенных департаментов Государственного совета и, пополнив их губернскими предводителями дворянства, представителями высшего духовенства и городскими головами крупнейших городов, превратить их в низшую законодательную инстанцию, отделив от общего собрания Государственного совета.

Автор второго документа, чтобы не допустить ни парламента западноевропейского типа, ни подобия древнерусского собора (о нем как о традиционно русской форме представительства много говорил в связи с рескриптом Булыгину), предлагал так называемые «министерские думы», которые заседали бы под председательством министров и состояли бы из лиц, избранных на основании ценза и компетентных в делах того или иного министерства. Третий документ был направлен не только против самой идеи представительства, но и против разрабатывавшегося под председательством Витте проекта создания объединенного правительства. На разработку обеих этих государственно-преобразовательных мер царь согласился под сильнейшим давлением и теперь всячески оттягивал первую и готовился вовсе сорвать вторую. Автор третьего документа предлагал ограничиться созданием губернских советов из чиновников и представителей сословий, городов и земств для предварительного (до внесения в Государственный совет) обсуждения законопроектов о местных нуждах. «Мера эта, — писал, он, — устранила бы необходимость: 1) участия выборных представителей от местного населения в высших государственных учреждениях и 2) предварительных сношений по законопроектам между центральными ведомствами». ¹⁴

Но уже следующий пункт (4-й) представленной царю ведомости Нольде был иным. И в дальнейшем в петиционном потоке таких ходатайств, которые, ничего не требуя и не предлагая, лишь выражали бы приверженность самодержавному образу правления, в сущности не было. ¹⁵

Три записки отдельных лиц, из которых одна была бредовой, вторая — от члена «Русского собрания» из Архангельска — содержала простой призыв к усилению репрессий, а в третьей симбирский мещанин А. И. Жильцов предлагал свой «проект спасения отечества» путем платного и тайного приема доносов на революционеров («в видах награды рабочий и крестьянский народ выдаст родного брата и согласно этого проекта только и можно спасти Россию»), вряд ли

¹³ Там же, д. 6, л. 4.

¹⁴ Там же

¹⁵ Ср. с оценкой Н. С. Таганцева, который в своде петиций след «славословиями» лишь три. «Да и в них все-таки, — отмечал он, — той мольбы: „любим мы тебя сердечно, будь нашим начальником вечно“ — не содержится» (Таганцев Н. С. Пережитое. Вып. 2. С. 96, 95).

могли порадовать царя. ¹⁶ Другие записки, самые верноподданические и ретроградные, все-таки предлагали какие-то изменения политического или социального характера. Так, пресловутый П. Крушевц, обращение которого было названо канцелярией Совета министров: «О безусловной необходимости для процветания России самодержавной власти и о непримиримости к нашему обширному разноплеменному отечеству парламентского образа правления», — заявлял в нем, что главным злом является чрезмерная административная и хозяйственная централизация. ¹⁷ Московский присяжный поверенный С. А. Козловский, выступая с крайне националистических позиций, понося Витте, инородцев и т. д., тем не менее предлагал созыв Земского собора на сословном принципе. В том же духе, с еще более реакционных позиций, выступал дворянин В. И. Трубинов из Читы, добавивший, однако, предложения широкой гласности в печати для контроля над чиновниками, а также передачи казенных земель безземельным крестьянам. Аналогичное предложение об улучшении положения крестьян содержалось и в письме дворянина А. Маслова, который имел в виду не только обойтись без представительства, но и фактически ликвидировать земство, передав его функции на местах церковным приходам и подчинив их земским начальникам. ¹⁸ Редактор нового петербургского журнала «Человеческая жизнь» В. В. Шарков и барон П. Стюарт, настаивавшие на полной неограниченности самодержавия, предлагали в своих проектах: первый — избранный по профессиям «Совет народной совести», второй — назначаемую царем «государеву думу». А приват-доценты Петербургского университета Д. Петров и В. Вальденберг, в своем совместном обращении также выступавшие против конституционного строя западноевропейского образца и за неприкосновенность самодержавного начала, тем не менее признавали необходимым законосовещательное представительство да еще требовали свободы кружков и союзов. ¹⁹

И в обращениях, исходивших от сформировавшихся различных организаций правого толка, было много неприемлемого для режима. Кроме упоминавшегося обращения члена «Русского собрания» поступили петиции от имени «кружка русских людей» из Екатеринослава и члена «Русского кружка 18 февраля» из Москвы Н. Я. Билинского. ²⁰ Екатеринбургский кружок при крайней националистиче-

¹⁶ ЦГА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 12, л. 107; д. 7, л. 96 и след.; д. 25, л. 541^а—541^б.

¹⁷ Там же, д. 6, л. 47 и след.

¹⁸ Там же, д. 8, л. 308 и след.; д. 12, л. 49—75; д. 6, л. 105—106.

¹⁹ Там же, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 294, 130.

²⁰ Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 12, л. 22 и след.; д. 25, л. 42 и след. — «В Москве образовалось несколько симпатичных по своей программе и цели, ими преследованной, политических кружков, как напр. Шереметьевский, Хомяковский или „Русский кружок 18 февраля“, честно способствующие на заседаниях и совещаниях усилению и знакомству граждан с постановкою такого сложного вопроса и дела, как представительство и совещательное учреждение в России», — писал Н. Билинский. Вряд ли подобное политическое просветительство, с каких бы позиций оно ни осуществлялось, было «симпатичным» для высших официальных сфер.

ности своей петиции требовал не только наделения крестьян государственными землями, но и предоставления политических и гражданских прав во всем их объеме, правда, только русскому населению империи, реформы администрации и полиции, установления свободы личности, широкого развития самоуправления, свободы печати в смысле права критики общественной и государственной жизни. А в довершение всего екатеринославские петиционеры требовали отстранения членов императорского дома от управления делами правительственного и общественного характера. Московский же кружок на своем заседании 7 мая обсуждал, из кого будет состоять будущее представительство. Петербургский губернский предводитель дворянства В. В. Гудович предлагал составить его на 88 % из крестьян. Это была дань вере в крестьянский цезаризм, исчезавшей вместе с ним самим (рассмотрение крестьянских петиций покажет это с достаточной ясностью). Н. Билвинский считал достаточным 400 крестьянских представителей из 800, предлагая 200 мест предназначить адвокатам, писателям, художникам, артистам, врачам вместе с предводителями дворянства. Подчеркивая, что интеллигенция должна принадлежать инициативная роль в будущем представительстве, Билвинский словно сыпал соль на раны самодержавного реформатора.

Даже в четырех записках подполковника П. Заусцинского, начальника типографии Генерального штаба, бравшегося за издание «народной» газеты, разумеется, убыточной, с правительственной дотацией, выдвигалась программа реформ, включавшая в себя облегчение перехода помещичьей земли к крестьянам, введение подоходного налога, реформу школы, устранение чиновничьего произвола (предложенное для этого лишение министров права докладов царю по вопросам, связанным с отношениями администрации с населением, с тем чтобы эти вопросы регулировались только законом, означало серьезное ограничение царской власти), право суда отменять административные меры и предоставление населению гражданских свобод.²¹ После этого предостережение Заусцинского по поводу того, что представительство может ограничить самодержавие, ввести конституцию и экспроприировать частные земельные владения, приобретало чуть ли не пронический смысл.

Получалось так, что едва ли не самым благонамеренным по отношению к самодержавному принципу оказывалось обращение 31 малых представителей правого крыла московского дворянства — братьев Ф., А. и С. Самариных, кн. В. А. Голицына, К. П. Пасхалова, Д. Хомякова и др. Они подчеркивали, что рескрипт Будыгину не предоставляет никаких политических прав населению, а за выборными предусматривает лишь законосовещательное право. Отстаивая сословный принцип организации выборов, они с неослабнофильских позиций отвергали имущественный ценз, как дающий господство богатым. Требуя не предоставлять избирательных прав «таким слоям населения, которые еще недавно обособились» и «способны вовлекаться в такие общественные движения, которые идут вразрез

²¹ Там же, д. 24, л. 292 и след.

с вековыми устоями нашей государственной и народной жизни», они предлагали к тому же не составлять из выборных собрания, а привлекать их к участию в деятельности правительственных учреждений. Они основывались на том, что в рескрипте нет слов «народное представительство». Отдавая себе отчет в том, что предлагаемая ими «чересчур скромная» организация никого не удовлетворит, они лили воду на мельницу противников преобразований, заявляя, что уступками все равно «не удалось бы, конечно, побороть смуту».²² Но записка эта стояла в ряду других особняком.²³

Приходилось приспособлять тексты петиций для ознакомления с ними царя и других официальных надобностей. В первую очередь это относилось к петициям радикального содержания, на составление которых центральным и местным властям, как нам приходилось уже отмечать, не удавалось повлиять.²⁴ Мы упоминали и о мемориях Особого в Совете министров присутствия для рассмотрения петиций, и о своде, в который была включена их часть. Действуя под председательством гр. Д. М. Сольского в составе А. С. Танеева, А. А. Будберга и Э. Ю. Нольде, готовившего материал к заседаниям, это совещание представило царю пять меморий, состоявших из кратких рефератов петиций, а также три ведомости, из которых первая, представленная Нольде царю 17 марта, до того как совещание приступило к работе, также содержала рефераты петиций, а две другие, утвержденные Сольским 17 августа и 5 сентября, — лишь списки тех петиций, которые поступили после состоявшейся 6 августа отмены указа 18 февраля. Хотя при реферировании содержание петиций в большинстве случаев передавалось без существенных искажений, наиболее вызывающие с точки зрения режима оказывались в сущности скрытыми.

²² Там же, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 152—171. — 24 февраля группа почти в том же составе подала «записку о необходимости местного обследования по крестьянскому делу» (там же, ф. 1276, оп. 1, д. 7, л. 1—18).

²³ С ней могли сравниться лишь одна — от «квителеев г. Кишинева», которые возмущались против какого бы то ни было собрания, даже совещательного, так как это-де на руку левым. Кишиневские правые, чтобы не подпускать выборных к правительственным учреждениям, требовали ограничить их опросом на местах (ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 314; см. также: Таганцев Н. С. Пережитое. Вып. 2. С. 97).

²⁴ Добавим, что циркуляр Министерства внутренних дел 12 апреля, с помощью которого пытались это сделать, в обращении Общества взаимного содействия учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губернии был объявлен незаконным, так как право толковать царский указ могло принадлежать только Свату (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 24, л. 418 и след.). Существовала и другая юридическая неясность, связанная с указом: он предоставлял право обращаться с петициями, казалось бы, всем подданным, но чиновникам выступать с такими проектами не полагалось. К тому, что нам приходилось уже писать о мерах властей против петиционной кампании, добавим, что Малмыжское чрезвычайное уездное собрание для принятия петиции было запрещено. «Нам запрещают в земском собрании повторять даже Ваши слова, государь», — писали собравшиеся на частное собрание гласные. Запрещено было и Петербургское губернское земское собрание (там же, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 256, 277).

В особенности это относилось к ведомости Нольде, составленной в начале петиционной кампании (впоследствии острота восприятия, очевидно, несколько притупилась).

Вот как было поступлено в этой ведомости с петицией Совета Воронежского общества фельдшеров и акушеров 4 марта, содержащей едва ли не самый полный и радикальный перечень политических требований по сравнению со всеми остальными петициями, а также ряд социально-экономических. Требования эти включали в себя отмену закона об усиленной охране, сокращение до минимума штата полиции и жандармов с подчинением их органам земского и городского самоуправления, «отмену жестокой практики призыва войска на безоружные собрания граждан», немедленную политическую амнистию, предоставление населению гражданских и религиозных свобод с отделением церкви от государства, отменой сословных привилегий и паспортов, немедленную отмену выкупных платежей, введение подоходного налога и установление арендной платы за землю в размере чистой ее доходности «для предотвращения грозных аграрных возмущений». Вопреки рескрипту Булыгину в петиции содержалось требование предоставить представительству не законодательные, а законодательные права, а также контроль над финансами и администрацией. В этом документе, как и в ряде других, наиболее радикальных, подчеркивалось, что проведение требуемых реформ может быть осуществлено лишь при управлении страной выборными представителями, и поэтому выдвигалось требование немедленного созыва учредительного собрания, избираемого всеобщим, прямым и тайным голосованием. Даже рассмотрение петиции ее авторы требовали проводить при участии выборных представителей.²⁵ Нечего и говорить, что документ такого рода был вызовом не только самодержавному, но и монархическому принципу. Но царь вместо него прочитал в ведомости Нольде: «Совета Воронежского общества фельдшеров и акушеров с отрывочными указаниями широкой и бес-связной программы преобразования государственного устройства».²⁶ Как «несвязная программа преобразования всех отраслей государственного строя» была представлена в этой ведомости и другая совершенно связанная и вполне обоснованная петиция из Астрахани, которая также содержала требования гражданских свобод, созыва Земского собора и предоставления земским органам крупных районов страны полной автономии по образцу самоуправлений швейцарских кантонов или североамериканских штатов. Эти сопоставления завершались в петиции выводом о несостоятельности «свободных форм правления» и необходимости «постепенной замены капиталистического строя некапиталистическим».²⁷

Что касается передачи текстов петиций при их включении в свод, то в дополнение к наблюдениям над сводом Таганцева, не располагавшего, как уже было сказано, самими петициями, нами проведено

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 13, л. 114.

²⁶ Там же, д. 6, л. 10.

²⁷ Там же, д. 13, л. 106 и след.

сопоставление их с тем, как они были представлены в своде, а также рассмотрение отредактированных для включения в свод текстов. Можно считать установленным, что все требования социально-экономического характера, а также наиболее острая критика существующего положения вещей опускались составителями свода, видевшими его предназначение лишь в сообщении тех требований, которые относились непосредственно к государственным преобразованиям. Поскольку крестьянские петиции, как будет показано, содержали наибольшее количество социально-экономических требований, их тексты в первую очередь и страдали под редакторскими перьями чинов канцелярии Комитета и Совета министров.

Вот судьба текста петиции состоявшего под почетным покровительством-покровительством е. и. высочества вел. кн. Михаила Александровича Щигровского Общества сельского хозяйства Курской губернии 12 мая. При ее редактировании было зачеркнуто не только заглавие «По вопросу о крестьянских волнениях», но и содержащаяся в ней, как, кстати, и в петиции воронежских фельдшеров и многих других, резкая критика карательной политики режима, действий полиции и черносотенцев, хотя сопровождавшее ее требование реформы полиции мотивировалось интересами борьбы с «красной смолой». Оставлено было лишь требование вторичного царского повеления о немедленном созыве представительства, поскольку бюрократия-де не торопится исполнять царский рескрипт Булыгину, причем поначалу были зачеркнуты и слова о бюрократии.²⁸

Вовсе не оказалось в своде приготовленного к включению в него приговора Гоголевского сельского схода Замостянской волости Суджанского уезда Курской губернии 28 июля, в котором содержались жалобы на безземелье, тяготы обложения, бесправие крестьянского сословия и, в частности, говорилось: «... начальства у нас очень много: содержать нам его дорого, и не польза нам от него, а вред. Смотрит начальство на нас, как на скотов, а не на людей. . . Пусть будут выборные от всех сословий, но чтобы от крестьян и рабочих было в 4 или 5 раз больше доверенных. Выбирать будем доверенных промеж себя, чтобы от начальства утеснений не было. А чтобы не ошибиться в выборах, чтоб вреда от наших постановлений не было ни себе, ни другим не сделать, надо собираться нам свободно, надо говорить свободно, и чтобы в газетах вся правда писалась и нам их читать позволялось».²⁹

Как и рефераты в мемориях, свод особенно интересен в качестве источника, по которому царь и сановники составляли себе представление о петиционном потоке. Однако необходимость сопоставления рефератов или передачи текстов в своде с дошедшими до нас подлинниками или копиями петиций очевидна. Такое сопоставление, в частности, обнаруживает не только манеру шадить чувства царя и какого-то круга его приближенных, присущую канцелярии Комитета и Совета министров, но и представления ее чинов о тех вопросах,

²⁸ Там же, д. 12, л. 92—95; ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 231.

²⁹ Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 18, л. 49.

к которым самые высокопоставленные читатели меморий и свода были особенно чувствительны.

Однако при всех манипуляциях и мемории, и свод, не говоря уже о полных текстах петиций, выглядели весьма вызывающе. В самом деле, когда постановление о немедленном созыве учредительного собрания на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования принимало Киржачское общество трезвости Владимирской губернии, это само по себе выглядело в глазах царской власти светопреставлением, наносило невероятный урон ее державному престижу. Оставалось лишь опустить при составлении свода выдвинутые этим Обществом требования предоставления гражданских прав и отмены положений об усиленной охране. Но изгнанное в дверь лезло в окно: требования эти оказались включенными в свод как выдвинутые Киржачской городской думой.³⁰ Между тем факты такого рода не только следовали один за другим, но и попадали в той или иной форме в печать, иногда требования опубликования петиций содержались в них самих. Этого, например, потребовали члены Общества Пермской бесплатной народной библиотеки, постановив, «что бесплатная библиотека и ее совет не составляет исключения, а является следствием общих ненормальных правовых условий жизни в России, и заявив о неотложности изменения существующего строя» путем немедленного созыва учредительного собрания на основе четыреххвостки (так называли всеобщие, равные, прямые и тайные выборы), прекращения ненужной войны, пачатой помимо воли народа, предоставления гражданских свобод и политической амнистии. Остерское земское собрание избрало комиссию «для выработки предполагаемых реформ государственного управления и улучшения народного благосостояния». Эта комиссия «постановила послать в Совет министров свое мнение по поводу компетенции проектируемого органа высшего государственного управления», требуя для представительства не законосовещательных, а законодательных прав. «Единственный способ» преодоления «состояния крайнего неблагополучия», в котором находится государство, видело в законодательном представительстве и Диканьское сельскохозяйственное общество. Енюковская (Череповецкий уезд Новгородской губернии) сельская пожарная дружина требовала гласности в деятельности представительства с установлением свободы печати.³¹

Высказанная воронежскими фельдшерами мысль о недееспособности самодержавия вообще и в реформаторской сфере в частности получала поддержку и в других петициях. Например, в решении общего собрания Уманской общественной библиотеки наряду с обвинениями бюрократического строя, виновного в военном поражении, констатацией несостоятельности экономики, бесправия и темноты народных масс и требованиями созыва учредительного собрания на основе «четыреххвостки» для установления основ представительного образа правления, объявления еще до этого гражданских свобод

³⁰ Там же, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 137, 331; ф. 1276, оп. 1, д. 17, л. 19 и след.

³¹ Там же, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 194, 310, 301, 142.

и национального равноправия, немедленного прекращения войны, расширения площади крестьянского землевладения, восьмичасового рабочего дня и «гуманного» рабочего законодательства подчеркивалось, что «эти экономические реформы провести успешно может только правительство, опирающееся на народных представителей, избранных путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов».³²

Предъявление подобным образом требований государственного значения выглядело нелепым и комичным лишь на первый взгляд. Как будет показано, петиционный поток был весьма интенсивным, в петициях наряду с требованиями содержалось и осуждение существующих порядков, подчас резкое. А петиции были не только легальны, но и в значительной своей части исходили из таких социальных кругов, которые видели в государственных преобразованиях средство остановить революцию. «Отсутствие означенных законных прав, — заключало свою петицию с требованием гражданских свобод Рогачевское общество сельских хозяев, — лишает в настоящее время умеренные элементы возможности сплотиться для созидательной работы и ставит их в худшие условия сравнительно с крайними элементами, которые в своей организации игнорируют существующие законоположения».³³

Различные организации, игравшие важную роль в системе управления, заявляли о невозможности дальнейшего функционирования без проведения политических преобразований. Керченская городская дума заявляла, что без немедленного созыва представительства и предоставления гражданских свобод не может действовать «даже в узкой сфере местных интересов», а Ставропольская требовала свободы объединения городских самоуправлений, права на проведение их съездов явочным порядком.³⁴ С общеполитическими условиями связывали продолжение деятельности в своих специальных сферах Совет общества попечения о начальном образовании в Енисейске, Общество попечения об учащих в Кургане, Общество донских врачей.³⁵ Ветлужское уездное земское собрание связало с общеполитическими требованиями вопрос о борьбе с ожидавшейся холерной эпидемией.³⁶

Все это было тем более серьезно, что после 9 января появился целый ряд записок предпринимательских организаций, в которых правительство обвинялось в неспособности справиться с революционным движением и установление «прочного правопорядка» выдвигалось как условие дальнейшего функционирования промышленности и торговли. Отрицая классовый характер борьбы пролетариата и крестьянства против буржуазно-помещичьей эксплуатации, предприниматели пытались истолковать цели массового движения как исключительно общеполитические. Среди петиций по указу 18 февраля было несколько обращений с требованием преобразований и

³² Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 17, л. 33.

³³ Там же, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 300.

³⁴ Там же, л. 197; ф. 1276, оп. 1, д. 24, л. 75—109.

³⁵ Там же, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 144, 196—197.

³⁶ Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 17, л. 1 и след.

участии предпринимательских организаций в представительстве, а в трех содержалась резкая критика правительственной политики. Совет съездов горнопромышленников Урала критиковал правительственную политику чуть ли не во всех областях — от зубатовщины и действий властей 9 января до тридцатилетних проволочек с реформой акционерного законодательства, сорокапятилетних — с паспортной реформой и сохранения посессионного права на Урале.³⁷ Самарское биржевое общество прямо объявляло свой реформаторский шаг невозможностью подавления революционного движения. По заявлению 35 своих членов Общество 15 марта рассмотрело записку московских фабрикантов и заводчиков, помещенную в «Русских ведомостях» 28 января. «Выслушав записку, — говорилось в петиции, — собрание приступило к прениям, в течение которых выяснилось, что на самарских мельницах и заводах происходит в настоящее время целый ряд забастовок, которые грозят обостриться и принять общий характер. Затем близится наступление весны, при начале которой собрание ожидает массовые беспорядки между рабочими при погрузке и выгрузке судов. Члены Общества сообщали об ожидаемых с открытием весны аграрных беспорядках. Опыт настоящего года показал, что полицейские меры оказываются совершенно недействительными к поддержанию порядка и спокойствия и не в силах предотвратить грозные явления, нарушающие мирную работу промышленности и торговли. Полиция бессильна остановить народные массы. На содействие войск полагаться рискованно, т. к. войска, может быть, откажутся идти против рабочих и мужиков. Собрание нашло нежелательными и не достигающими цели полицейские меры к подавлению волнений среди рабочих, причины которых коренятся глубоко и охватывают весь строй русской жизни». Самарские предприниматели поддержали требования московских фабрикантов и заводчиков (гражданские свободы, участие в законодательстве всех классов населения и т. д.).³⁸ А Совет съездов горнопромышленников юга России 12 марта, негодуя против «власти бюрократии, не находящей в себе силы обеспечить неприкосновенность имущества частных лиц», заявлял: «... медлить с переменой существующего режима нет возможности». Его председателю Н. С. Авдакову записка показала столь резкой, что, подписав ее, он приложил свое особое мнение по трем пунктам. В п. 1 он отмечал свое несогласие с тем, что меры местного характера бесполезны до общих мер усовершенствования «всего политического, общественного и культурного строя страны». «Не могу разделить мнения записки, — писал он в п. 2, — будто в создании и отмене законов существует полный произвол. Полагаю — мысль авторов записки относилась не к изданию законов, а к их применению, против чего и направлен высочайший указ 12 декабря». И, наконец, его п. 3 гласил: «После издания высочайшего рескрипта от 18 февраля на имя г. министра внутренних дел считаю

изданным в записке все, что сказано о бюрократии».³⁹ Но особое мнение Авдакова лишь подчеркивало характер записки.

И уж совсем нетерпимым для режима было участие в петиционной кампании официальных лиц независимо от их положения. Между тем очень резко оценивающее черты строя ходатайство жителей станицы Каменской Донецкого округа Области войска Донского, угрожавшее «в ближайшем будущем страшными внутренними смутами политического характера» и требовавшее в числе прочего предоставления представительству законодательных прав, первым подписал войсковой старшина.⁴⁰ А заключение комиссии из профессоров и преподавателей, членов Комитета вспомоществования студентам Петербургского университета, содержавшее предложение ряда университетских реформ, а также требование «обеспечить личность студентов от применения к ним воздействия чинов полиции», сообщил бывший председателем этого Комитета С. Ю. Витте.⁴¹

Петиции показывают как пределы, до которых под влиянием революционного движения масс доходили в своих требованиях широкие оппозиционные слои, так и существенную разницу между либерально-консервативной и радикальной оппозиционностью. При определении классового состава той среды, из которой исходили ходатайства, следует иметь в виду, что революционные организации, разумеется, не обращались с петициями к царской власти. Характерно отсутствие, за двумя исключениями, рабочих петиций. В кругах революционной социал-демократии в разных районах страны существовало различное отношение к петиционной кампании как массовому политическому движению — от осуждения участия в нем представителей социал-демократических организаций до использования в качестве легального средства борьбы. Во всяком случае влияние агитационно-пропагандистской литературы и программы-минимум РСДРП на содержание петиций и его радикализацию устанавливается во многих пунктах, как и отмеченное В. И. Лениным влияние социал-демократической программы на петицию 9 января.⁴²

³⁷ Там же, л. 220 и след.

⁴⁰ Там же, л. 20 и след.

⁴¹ Там же, д. 6, л. 96.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9, С. 176; см. также: Горький М. Собр. соч. : В 30-ти т. М., 1954. Т. 28. С. 348—349.

³⁷ Там же, д. 8, л. 99 и след.

³⁸ Там же, л. 96 и след.